

РЫЦАРЬ РУССКОГО ТЕАТРА

МАСТЕРА
ИСКУССТВ
РАССКАЗЫВАЮТ

В АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ
ДРАМЫ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
СЕГОДНЯ СОСТОИТСЯ
ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СЦЕНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ АКТЕРА
СОВРЕМЕННОСТИ
НАРОДНОГО АРТИСТА СССР,
ЛАУРЕАТА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ
И ПРЕМИИ
ИМЕНИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО
НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА
СИМОНОВА.
В КАНУН ЮБИЛЕА
КОРРЕСПОНДЕНТ
«ВЕЧЕРНЕГО ЛЕНИНГРАДА»
ПОБЫВАЛ В ГОСТЯХ У АРТИСТА.

— Семьдесят лет...

— Да, семьдесят — ну и что? Не вижу в этом ничего особенного. Не считаю это каким-то рубежом для себя. Это дата календарная, а не творческая. Думаю, что актеру да и вообще художнику более пристало мерить свою жизнь не прошедшими годами, а сыгранными, созданными ролями, творческими свершениями.

Пожалуй, ни про одну из ролей Николая Константиновича невозможно сказать — сыгранная. Всегда это роль — созданная. Вспомни ли мы Петра I, Протасова, Хлебникова, Сатина, Сальери, Клаузена или последнюю по времени работу актера — Клааса, все эти характеры незаурядные, исполненные благородства, высшего человеческого достоинства, неспособные ни к какому душевному компромиссу. Черты эти и объединяют такие несхожие между собой образы.

— Так, быть, может, Николай Константинович, в этих чертах — определяющая тема вашего творчества?

— Вероятно, так кажется со стороны. Я же для себя никогда такой темы не определял. Скажу лишь, что мне дороги герои самые разные, чьи духовные силы, чувства, ум полностью отданы поискам истины, справедливости. Герои, которые не могут не думать об ответственности человека перед человечеством, которые при всех, самых трагических поворотах судьбы верны своему внутреннему идеалу.

С огромной любовью я играл Федю Протасова, играю Маттиаса Клаузена, Сатина. Трагедия этих людей — в их несоответствии тому миру, в котором они живут. Более того, они слишком долго скрывали от самих себя это трагическое несоответствие. Но когда оно всем ходом событий неожиданно раскрылось перед Протасовым и Клаузеном, они нашли в себе силы и

мужество восстать против сложившегося уклада жизни.

— Когда-то вы сказали о себе: «Творить и не быть — самим собой невозможно. Нельзя натягивать на себя образ, искать его где-то в стороне». Подписываетесь ли вы и сегодня под этими словами?

— Да. В этих словах — мое актерское кредо.

Вспомним еще раз галерею образов, созданных актером: менялись эпохи, костюмы, но всегда Симонov оставался Симонovым. Да, герои были непохожи и внутренне, и внешне, но в каждом из них — чуткое, темпераментное сердце артиста, сердце, обостренно воспринимающее все, что происходит на земле.

— Как же рождаются эти герои? Есть ли у вас какой-то определенный, сложившийся метод работы над ролью?

— Нет, такого метода нет. Каждый образ создается по-своему. Вот, к примеру, Сальери. Когда мне поручили эту роль, я вспомнил давно виденную в провинции постановку пушкинской трагедии, где ее разыгрывали как заурядную драму, словно бы играли черновой вариант пьесы поэта. Вариант, который назывался «Зависть». Сменив же название, Пушкин сместил и акценты, перевел драму в высочайшую трагедию. С этого и началась работа над ролью, с изучения текста.

Потом, уже сыграв Сальери, я не раз слышал суждения, что изображаю, дескать, не традиционного Сальери — злодея, убийцу. Но ведь злодея нет и у Пушкина. Талантлив не только Моцарт, талантлив и Сальери. Он любит и Моцарта, и его музыку. И трагедия Сальери начинается тогда, когда он понимает, что Моцарт гениален...

— В вас, если так можно сказать, живут два художника — актер и живописец. Помогает ли второй первому в работе над образом?

— Никакой связи для меня в этом нет. Актерское творчество, как и творчество живописца и скульптора, абсолютно самостоятельно,

Но порой любимые герои сцены находят отражение на полотнах. «Моцарт и Сальери», например. Эта картина создавалась после того, как спектакль был сыгран много-много раз.

Бывало, правда, и наоборот. Борис Годунов появился сначала на полотне, а потом уже на сцене. Это было вызвано тем, что мне хотелось отойти от привычной, сложившейся трактовки образа, в которой Борис предстал высоким, красивым и статным оперным героем. По свидетельствам же современников Годунова, он был «полон, сластолюбив и пицелюбив». В этом я и нашел зерно будущего образа. А картина помогла определить грим, внешний облик моего Бориса, помогла найти и внутренний рисунок роли.

— Меняются ли, Николай Константинович, от представления к представлению ваши герои?

— Нет. Я никогда не выхожу на премьеру с незавершенным образом, с надеждой на то, что он, мол, дозреет «на зрителе». Считаю, что это было бы просто неуважительно. Актерский образ, по моему глубокому убеждению, должен быть найден и сделан полностью. На последующих же спектаклях могут появляться отдельные черточки, маленькие штрихи, уточняющие и углубляющие готовую роль.

— Последние годы мы видим вас на сцене только в ролях классического репертуара. Но ведь сыграно немало и современных. Есть любимая современная роль?

— У меня вообще нет ролей любимых и нелюбимых. Никогда не делил их так. Если роль играет или сыграна, она любимая. Да я и не смог бы, наверное, сыграть «нелюбимую» роль.

А современники — да, были. Впервые с современником в подлинном значении этого слова я встретился на экране в 1940 году в фильме «Возвращение». Сергей Петрович Иванов был сыгран сразу за Петром I. Такое мгновенное переключение из одной эпохи в другую, от одного героя — царя до другого — полярника было чрезвычайно любопытным и полезным с актерской точки зрения.

Были и еще встречи с современниками. Но чаще на экране — Чуйков в «Сталинградской битве», директор завода Сотников в «Рабочем поселке», майор Малеев в «Острове Безымянном», Харлампий в картине «Где-то есть сын». В театре же довелось героев наших дней играть как-то меньше. Муравьев в «Победителях», Суходолов в «Сонете Петрарки» да Хлебников в «Персональном деле»...

— Ваших героев, как правило, отличают возвышенность чувств, романтическая приподнятость, внутренняя цельность. Характерны ли, по-вашему, эти черты для героя сегодняшней драматургии?

— Если задаться вопросом, может ли в наши дни появиться на театральных подмостках герой, равный по силе чувств, по глубине души, по темпераменту, скажем, Феде Протасову, отвечаю: может. Потому что в среде нас есть люди сильные, в чем-то необычные, личности незаурядные. Просто они не стали еще героями пьес, к ним никак не подступаются наши драматурги.

И в сегодняшней жизни есть, думаю, большие человеческие драмы и страсти. Но их же надо суметь написать, и написать как следует. А для этого, наверное, нужен поменьше мере новый Толстой...

— Недавно вы закончили сниматься на Одесской студии в кар-

тине «Последнее дело комиссара Берлаха», поставленной по роману Ф. Дюрренматта. А впервые вы появились на экране...

— В 1924 году. Сыграл тогда партизана Долгова в киноленте «Красные партизаны». И затем до самой войны снимался почти непрерывно. Герои, как и фильмы, были самые разные. Но главная моя работа — Петр Первый.

Когда режиссер Владимир Михайлович Петров пригласил меня на кинопробу, я немало был удивлен. Знал, что на эту роль пробовались уже многие видные актеры. Кроме того, у нас в театре шел тогда спектакль о Петре, поставленный Борисом Сушковым. Главную роль играл в нем Яков Осипович Малютин. Я о Петре и не заикался.

Приехал на студию, переодели в царский костюм, загримировали. Попросили: прочтите что-нибудь. А что читать — я ведь в пьесе не играю. Была не была! Прочел монолог Годунова «Дости я высшей власти». Это в гриме-то Петра! На следующее утро звонок: утверждены на роль Два года, незабываемых для меня, жил я жизнью великого Петра.

После первой большой работы в немом кино — фильма «Кайн и Артем» — это была первая масштабная работа в кино звуковом. К сожалению, ролей такого масштаба сыграть на экране больше не довелось.

Нет, я не в обиде на наших кинематографистов. Снимался немало. Да и сейчас предложений много. Но, знаете, предлагают чаще роли типа «свадебного генерала». Иным режиссерам не артист Николай Симонov нужен, а его имя для афиши. Разумеется, от таких предложений решительно отказываюсь.

— За последние сценические лет сыграно немало. Но остались, вероятно, и роли несыгранные...

— Остались. Люблю и всегда мечтал сыграть героев Достоевского. Но как-то все не получалось. После «Петра I» режиссер фильма собирался ставить «Идиота». Был написан любопытный сценарий, достигнута договоренность с актерами: Мышкин — Хмелев, Настасья Филипповна — Тарасова. Я должен был играть Рогожника. Затем...

Мечтал о Шекспире. Но встретился с его драматургией только один раз — в «Макбете». А Отелло, Лир так и остались несыгранными.

Говорили, правда, что их монологах можно читать в концертах. Отдельный монолог? Нет! Только сцена, цельный, законченный спектакль и образ.

— Спектакль, сцена, театр. Что все-таки для вас, Николай Константинович, сегодняшний театр?

— А почему только сегодняшний? Театр — всегда Театр. Я говорю о подлинном Театре, о настоящем, большом Искусстве. Высшая его цель и задача — раскрыть во всей ее сложности «жизнь человеческого духа». Театр, по-моему, не зрелище: Театр — трибуна и школа, школа Жизни и Правды. Театр — это эмоциональное наслаждение, и для тех, кто его действительно любит, — страсть. Театр призван воспевать духовную красоту, нравственное совершенство человека.

Эти слова Николая Константиновича искренни и человечны. В них тот пафос, с которым он, Рыцарь Театра, служит Театру, служит Человеку.

Беседу вел
Н. АЛЕКСЕЕВ